

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.16

Рецензия на книгу В.И. Новикова
«Любовь лингвиста»
(М.: Изд-во «Э», 2018. 512 с.)

Все, что написано Владимиром Ивановичем Новиковым, всегда событие, которого ждешь. Таким значительным явлением были биографии В.С. Высоцкого, А.А. Блока, А.С. Пушкина, «Словарь модных слов», «Роман с языком» и «Роман с литературой». Новая книга В.И. Новикова, профессора Московского университета, известного филолога и популяризатора бренда «филологический роман», — это признание в любви лингвистике как науке. На обложке — предупреждающий знак о том, что стоит за текстом: «Как научиться пробовать друг друга на язык, дегустировать, чувствительно и осознанно наслаждаться общением, утолять вкус, не доходя до пресыщения».

Книга, вышедшая в серии «Филологический нон-фикшн», отличается жанровым многообразием. Это, во-первых, «Сентиментальный дискурс. Роман с языком», затем профессор экспериментирует и с мемуарно-биографическим жанром — «Повесть о Михаиле Панове», и завершает книгу цикл эссе «Пятьдесят свиданий с русской речью». Три части книги связаны с именем Панова: первая часть — начало разговора о жизни филолога, вторая часть — его документальный портрет на фоне близкого круга, а третья — духовное послание автора своему учителю, попытка смотреть на мир слов, как на мир людей, которые подвластны изменениям.

Владимир Иванович отходит от канона серии «Жизнь замечательных людей», пишет повесть, воспроизводящую естественный ход жизни знаменитого ученого. Тут и его детское чтение с приоритетом поэзии, и его общение с природой, что в дальнейшем поможет оригинально рисовать образно-ассоциативные портреты русских поэтов, пользуясь «красками растительными, водными и лучистыми». Поэзия для Панова — движение эстетических форм. В.И. Новиков настаивает, что Панов был эстетиком, т. е. тем, кто чувствует, и для автора важно, что эстетическое переживание — фактор исторического движения искусства.

Каждый из эрудитов помнит завет Платона — знать свои корни, поэтому интересно читать о родителях профессора: В.А. Пановой — художнице и поэтессе, Викторе Васильевиче — офицере царской армии, впоследствии специалисте по текстилю, людях созидательного склада.

Скрупулезная работа с рукописями Панова, исследование его спецкурсов, стихотворных текстов вызывает как у автора, так и у читателя много вопросов. Невольно В.И. Новиков выводит новую формулу верлибра: квинтэссенция поэтичности. Он делится собственными наблюдениями за методом мышления учителя, системой его оригинальных приемов и подходов к изучению языка и литературы.

Заслуживает внимания рассуждение о том, что такое учительство. По Панову, это непрерывное общение с предметом исследования, постоянная провокация на самостоятельное открытие нового. Постепенно при чтении «Повести» вырастает образ ученого с собственным речевым стилем, который оперирует архитектурными категориями. По словам Новикова, язык он уподоблял многоэтажному зданию, выстроил собственное мироздание филологической науки. Повесть о филологе — философское размышление о том, что такие люди, как Панов, — российский феномен, у таких ярких исследователей нет границы между жизнью и книгой, их педагогика пронизана игровым остроумием. Известно, что игра с языком — высшее проявление владения им. Панов умел делать это даже с лингвистическими терминами. Самый главный термин, вокруг которого строилось учение Панова, — фонема. Она — основа основ, в известном школьном словаре лингвистических терминов толкование этой категории давал Панов по просьбе самого составителя Д.И. Розенталя. Пожалуй, только он мог так возвысить фонему, возвести ее на пьедестал, и минимальная звуковая единица вошла в сознание всех языковедов, не только тех, кто посещал лекции Панова в МГУ. А для автора повести Панов «сам чем-то похож на фонему» — уже, видимо, тем, что в нем было сразу несколько ипостасей: языковед, литературовед, критик, поэт.

Увлекательная повесть о филологе изобилует рассуждениями литературоведческого и лингвистического толка. Например, терминология. Называя Панова *эссенциалистом*, профессор дает блестящее толкование этому слову: «То есть он сосредоточен на сущностях, свободен от фетишизма частных и мелочей. Не любит мнимых сущностей и нарочитых терминов» (с. 305).

Теперь о стиле автора. Стиль В.И. Новикова узнаваем и неповторим: пристальное внимание к слову, латинские изречения, украшающие текст, риторические вопросы, как в римской риторике, — завораживают и увлекают читателя, который находится в постоянном поиске ответов на серьезные вопросы. В «Повести о Михаиле Панове» дан образец оригинального разбора поэтического текста, для студента-филолога он будет прекрасным поводом для собственных смелых описаний стихотворных картин. В тексте, помимо жизнеописания, выведена идеальная формула восприятия художественных произведений: «переживание вступает в резонанс с переживанием художника» (с. 258).

Читая «Повесть о Михаиле Панове», можно собрать россыпь афоризмов и самого автора и героя: «Умеющий дружить и с мужчиной, и с женщиной — это дважды человек, дважды личность» (с. 297), «Писателя судят по его “верхам”, а читателя по его “низам”» (с. 339). Трудно определить, кто же из них

победитель: оба виртуозно цитируют классику, оба оригинальны в своих выводах, поэтому читателю интересен как герой, так и повествователь. Это одно из эстетических удовольствий от чтения филологической прозы. Даже философские темы автором рассматриваются в филологическом аспекте: «Ищем мы Бога, а Бог в это время ищет нас. И длится этот диалог до самого последнего мгновения, и уже после прощания с близкими последнюю реплику человека слышит только его вечный Собеседник» (с. 343).

Если задаться целью перечислить всех поэтов, филологов, переводчиков, упоминаемых в тексте, то труд Владимира Ивановича может соперничать по содержательности со справочником С. Чупринина «Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям»: Пушкин, Блок, Достоевский, Хлебников, Пастернак, Синявский и Даниэль, Окуджава, Высоцкий...

Новиков научился у М.В. Панова в первую очередь системности, умению не останавливаться и идти вперед, поклонению языку, как божеству. С любовью им собраны фразы Панова, фрагменты из разговоров, они поражают подлинностью и афористичностью, например: «читая стихи, наслаждайся непониманием» (с. 340). А письмо Панова, адресованное семье Новиковых, оценивается как увлекательное вихревание научных мыслей.

Михаил Викторович Панов не герой из Зазеркалья, он наш современник, его метания понятны сегодняшнему читателю даже больше, чем тем, кто был рядом, потому что он, по словам автора, личность философского масштаба, может, поэтому предыдущий «Роман с языком» (2001), в котором прототипом героя был Панов, не выдержал такой колоссальной нагрузки. И в рецензируемой книге «Любовь лингвиста» В.И. Новиков дает объемный портрет Панова, создает научно-художественное произведение с философскими вопросами и философскими противоречиями. Автору непременно нужно было показать Панова как «многоцветного человека, с которым нестерпимо хочется сдружить читателей» (с. 251).

И если мир вокруг героя не менялся, доставляя ему боль и страдания, то после прочтения филологической прозы В.И. Новикова читатель невольно меняется сам: любовь к лингвисту оказывается заразительна.

О.Ф. Ладохина